

Арируни Саакян

ОТ МИФОЛОГИИ ЛАНДШАФТА К ИСТОРИОГРАФИИ СТРАНЫ (по тексту об обращении Грузии)

Artsruni Sahakyan

FROM LANDSCAPE MYTHOLOGY TO COUNTRY'S HISTORIOGRAPHY (according to the text on Georgia's conversion)

In the article, the pre-Christian origins of the mythological figure of St. Nune/Nino are traced back to the story on a miraculous queen-fish drifting from Lake Parvana down-stream the Kura River. The ancient fish mythology, which is reflected in Nino's name, was later awakened in Georgian Christian tradition. It is shown how the written and oral versions of Nino's hagiography have preserved an almost classical example of transformation of a landscape mythology through monastic folklore into the official Church and even academic historiography of Georgia.

Своеобразным обобщением многочисленных и разноязычных свидетельств истории обращения Грузии в христианство может служить записанное в 976 г. в монастыре Шатберд «Житие св. Нино». Для типологического исследования его вполне можно принять за «сводный текст».¹

Исходя из художественных особенностей, данный «сводный текст» можно разделить на несколько пластов со следующими условными наименованиями:

- а) предание о растительном кресте;
- б) предание о строительстве святилища;
- в) предание об исцелении, просвещении и обращении язычников;
- г) предание о приобретении хитона и других святынь (что обычно связано с пунктом «б»);
- д) неосознанные пережитки дохристианской мифологии;
- е) факты исторической действительности или же приобретшие историческую окраску элементы (сказание о св. девах и Рипсимае, родословная Нунэ и т.п.), которые так или иначе связаны с ландшафтом.

Пункты «а» – «г» должны квалифицироваться как эпические христианские мотивы: все они не только имеют значительное место в сложении «Жития», но и почти все состоят из нескольких вариантов, в остальных источниках (дошатбердского периода), как правило, один или два из этих мотивов отсутствует.

Проследим за тем, каким образом житие Нино достигло «ландшафтного» уровня «е». К счастью, сохранилась ранняя запись (конец IV, начало V вв.) жития Нунэ, запись эта отображает начальный этап формирования данной истории с характерной для нее неопределенностью, отвлеченностью и лаконичностью. В ней всего два традиционных пласта: а) предание об исцелении, просвещении и

¹ А.Хаханов. Источники по введению христианства в Грузию // Древности Восточные: труды восточной комиссии Императорского Московского Археологического Общества. Т.1, вып. III, Москва, 1893; Е.Такайшвили. Источники грузинских летописей: три хроники. Тифлис, 1900.

обращении язычников; б) предание о возведении святилища. Первое предание относится к варианту того общехристианского сюжета обращения, героями которого считаются Константин, Абгар, Трдат, Хлодвиг, Владимир и т.п. Второе же имеет свои многочисленные варианты не только в закавказских, но и северорусских и карельских христианских преданиях. Однако в передаче Бакура они настолько неопределенны, что если бы не авторское вмешательство в заглавие (Руфинос) и комментарии (Феодорит, Сократ и т.п.), то вряд ли можно было бы догадаться о конкретике повествования. Тем более, что национальная принадлежность подобных историй выражается через конкретизацию ландшафта и героев. Вот почему достаточно принять иную конкретизацию (отделить от контекста), как «история обращения» в христианство делается универсальной для любого народа и любой культурной среды.

Отсюда следует, что в IV-VI вв. «Житие св. Нино» находилось в той начальной стадии своего бытования, которая и предопределила дальнейший специфический путь ее историзации.

Первым признаком дальнейшей историзации и конкретизации этого жития нужно считать, по-видимому, то, что героиня получает имя. Кто же она в действительности? Женщина, плененная грузинами, главная функция которой – исцеление от слепоты = просвещение = рассеивание мрака. Вообще в устном эпическом предании довольно широко известна традиция называть героя согласно его функции, свойству, определенному, специфичному для него признаку. Кто же мог выступить в роли пленника-просветителя,² если не тот, кто в долгой дохристианской традиции имел ту же функцию, роль и свойство? К таким героям по праву может быть отнесено божество в образе рыбы. Подобный вывод диктуется уже самой этимологией имени Нино-Нунэ.³ В еврейском (Nun) и в вавилонском (Nuniya) оно имело форму имени собственного, в ассирийском, и арабском, и сирийском (nun) – нарицательного. В Передней Азии мифологема рыбы, которая как символ плодородия, просвещения и возрождения несомненно должна была находиться в преемственной связи с христианским мифом, по всей вероятности, вновь пробудилась, на сей раз уже в христианской редакции, в грузинском устном предании (конечно, не без участия мцхетской иудео-христианской общины).⁴

Мифологическая значимость рыбы находит свое свидетельство и подтверждение также в армянской устной традиции: это рыбообразная Астхик-Деркетто, ставшая рыбой дьячиха, рыба, излечивающая в сказках слепого царя (данная функция которой выявляется, кстати, лишь после ее пленения). Мы уже не говорим о рыбаках-апостолах или же так называемой криптограмме Христа – ИХТУС. И хотя в данном случае определяющую роль может играть даже небольшое счастливое совпадение, это не мешает нам утверждать справедливость соотнесения рыбы-Христа и рыбы-Нунэ.

² Об образе пленницы Нунэ ср. З.Кикнадзе. Мифологические варианты эпизодов «Обращения Картли» // Изв. Акад. Наук Груз. ССР, серия яз. и лит., 1982, N 1, с. 62-71.

³ Ср. Л.Меликсет-Беков. К вопросу о настоящем имени Просветительницы Грузии. Тифлис, 1914.

⁴ А.Саакян. Толкование имени героини истории обращения грузин // Армянская народная культура, XII. Ереван, 2004, с. 126-130 (на арм. яз.).

Итак, основой многослойного текста о св. Нуне/Нино можно считать дохристианский джавахский миф, согласно которому в озере Парвана рыбаками была поймана царица-рыба, которая чудодействовала вплоть до исцеления царя от слепоты.⁵ Именно под этим углом зрения нужно осмыслить тот эпизод в житии Нунэ, когда героиня, достигнув озера Парвана и следуя совету рыбаков, спускается в город Мцхети по реке Куре, как диктует ландшафт. Пока Кура текла к западу, самочувствие Нунэ постепенно ухудшалось, а когда река направлялась к востоку, она сразу становилась веселее и живее. В конце путешествия, в городе Мцхети, она обращает во христианство царскую семью, тем самым метафорически исцелив ослепшего царя.

Так или иначе имя Нунэ, которое довольно поздно появляется в историографии двух народов, в устном мцхетском предании должно было быть приписано героине повести обращения грузин лишь в VI–VII вв., с условием, однако, оставаться непризнанной официальной церковной идеологией, пока оно имело престиж «апокрифа». В VI–VII же вв., когда усиливается культ рипсимеанских дев, в той же мцхетской среде, но в более официальных кругах, Нунэ связывается со святыми девственницами Рипсима как одна из них. Это был первый серьезный, четко целенаправленный шаг на пути историзации Нунэ, и как таковой он мог быть сделан совершенно сознательно. Возможен и другой вариант. Признание и известность Нунэ со временем настолько возросла, что опасность противопоставиться официальной церковной догме заставила причислить ее к рипсимеанским девам. Этот компромисс, привнесенный в историю как один из фактов биографии св. Нунэ, был, по-видимому, совершен стихийно и неосознанно.⁶

Не менее важным шагом на пути историзации Нунэ может стать восстановление ее биографии дорипсимеанского периода. Родословную вообще удобнее создавать в письменном предании, поэтому факт этот встречается в более поздней редакции, где-то в границах IX в.

В VII–VIII вв. легендарное житие Нино вступает на свой, пожалуй, самый важный поворотный этап с точки зрения как внелитературного, так и внутреннего сюжетного развития. Упомянем, прежде всего, о внелитературной его функции.

Дело в том, что последовавший вслед за разделением армяно-грузинской церкви раскол углубился настолько, что в VIII в., когда грузинская халкедонитская церковь почувствовала необходимость в собственной догме обращения грузин и истории основания грузинской церкви (что получило в итоге соответствующую формулировку в бытность католикоса Арсена), она сразу же выдвинула на первый план национальную культурную роль Мцхети в изложении истории обращения

⁵ Кстати, о следах современного бытования культа рыбы мне рассказал этнолог проф. Вахтанг Шамиладзе: в с. Оланк района Цалка у подножья холма при маленькой церкви имелся бассейн священного родника, где искусственно разводилась священная форель, которую нельзя было есть, а погибших рыб хоронили по народно-церковному ритуалу в роще на берегу речки, вблизи церквушки (информация записана в 1974 г., р-н Цалка).

⁶ Ср. И. Джавахов. Проповедническая деятельность ап. Андрея и св. Нины в Грузии (без м. и г.), с. 77–113 (оттиск из «Журнала Министерства Народного Просвещения»).

Грузии в христианство.⁷ Еще раз хочу напомнить, что вряд ли грузинская церковь констатировала бы это мцхетское предание, если бы духовный и политический центр Грузии не находился там.

В 696 г. по заказу князя Ширака Нерсеса, Филоном Тиракаци при содействии писца Товмы переводится с греческого на армянский церковная история Сократа Схоластика, 20-я глава 1-ой книги которой посвящена обращению Грузии. Перевод, сделанный, кстати, очень своевременно, явился откровением для грузинских армян (халкедонитов) в районах Гугарка-Джаваха и стимулировал при этом общенациональное признание мцхетской легенды. Очень скоро, уже около 700 г. тем же Филоном составляется краткая редакция книги Сократа, именуемая Малым Сократом.⁸ Она множество раз переписывается и распространяется вначале в Северной Армении, а затем повсеместно. Однако на практике выясняется ее чрезмерная конспективность, а потому возникает потребность в более пространном изложении истории, но на сей раз уже не на основе Сократа, но уже с привлечением многочисленных источников, в том числе и переводных; возможно также, что редактор со своей стороны привнес факты из знакомых ему и услышанных свидетельств и преданий. Данная редакция Малого Сократа могла быть составлена не позднее конца VIII в.

Таким образом, политика церкви, равно как и перевод и распространение истории Сократа, обеспечивают широкую сферу внелитературного функционирования «Жития св. Нунэ».

Как уже отмечалось, «Житие св. Нунэ» переживает поворотный сдвиг и во внутреннем, художественном плане, причина которого также имеет глубокие общественные корни. Дело в том, что в армянской народной среде в эти века формируется своеобразный, как бы самостоятельный культ креста, который находит свое выражение почти во всех сферах культурной деятельности. Несомненно, в грузинской действительности также произошел такой сдвиг, который оставил свой след во многих сферах грузинской культуры. Культ креста несомненно был общехристианским явлением, но если в других христианских традициях крест остался, во-первых, как символ распятия и добровольного самопожертвования Христа, а, во-вторых, как знак древесного креста и как таковой почитался и восхвалялся только в этом контексте, то в армяно-грузинской народной христианской среде он постепенно приобрел независимость и стал предметом самостоятельного народного культа. А так называемую идейно-мировоззренческую основу этого культа составили те легендарные повести монастырского фольклора о чудодействиях и подвигах креста, которые в корне своем сводятся к своеобразной мифологеме креста. Данный факт, по-видимому, нужно считать одной из особенностей христианской традиции армяно-грузинского ареала. Этот культ в дальнейшем углубился, укоренился и проник даже в официальные идеологические церковные круги в Армении, и, напротив, со

⁷ Ср. И. Джавахов. История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале 7-го века // «Известия» Импер. Акад. Наук. СПб., 1908, с. 434-536.

⁸ Н. Акинян. Начало христианства в Армении и Грузии. «Пленница»: св. Рипсима и св. Нунэ. Вена, 1949 (на арм. яз.).

временем ослаб, приобрел свой первичный символический смысл и преследовался со стороны официальных идеологических церковных кругов в Грузии. На утверждение о том, что армяно-грузинская единая церковная традиция в VII в. уже была поколеблена, можно напомнить, что церковный раздел произошел по воле догматиков, архимандритов внутри официальной церкви, но вне народной стихии христианской веры и обычаев. Потребовалось не менее одного века, чтобы армянской и грузинской официальным церквям удалось уничтожить своеобразную ареальную общность этих двух стихий, сформировавшихся в течение трех веков. Интересно, что в Грузии ослаблению культа креста (и не только креста) способствовало также возвышение иконы, в Армении же, напротив, поднятие престижа креста вело к ослаблению значимости иконы. Судя по богатейшим сведениям письменных и материальных памятников раннего армянского средневековья хронология этих явлений берет начало с VII-VIII вв. Однако особенно ценные факты об этом предоставляет «Житие св. Нино». Оно сохранило не только примеры основания культа, легенды о Кресте, но и местную особенность проповеднической деятельности, которая прекрасно просматривается и в подвижничестве Григория Просветителя⁹: это совершение чуда с помощью креста и обращение людей в веру, низвержение идолов и возведение вместо них креста, что воспринималось верующим человеком как непосредственная замена идолов, но ни в коем случае не как знак замены Христа (как например, в 86-й главе II книги Мовсеса Хоренаци). После сказанного выше легко заметить огромную роль, которая отводится возведению креста в проповеднической деятельности св. Нино от чудотворства самодельных растительных крестов до приобретения частей Креста Господня. Это внутреннее сюжетное обогащение в дальнейших текстах выявляет определенную закономерность. Тенденция к обобщению организует сюжетосложение по двум направлениям: а) связь традиционных и христианских сказов с ландшафтными реалиями, независимо от Нунэ; б) сведение связанных с Нунэ различных преданий с этиологическими трактовками наименований ландшафта.

Причина этого процесса кроется в том, что варианты одного и того же предания могли независимо и самостоятельно бытовать одновременно в разных епархиях или же различных примонастырских районах Мцхети, противореча зачастую друг другу своей направленностью и выражением узкоместнических интересов. В VII–VIII вв., пока традиционная история св. Нунэ была ограничена рамками Мцхетской устной традиции, это обобщение в своем единственно ассоциативном выражении было возможно также и в устном бытовании. В VIII–IX вв., когда новые, связанные с именем Нунэ, предания рождаются даже в дальних епархиях и монастырских учреждениях, этот процесс вступает на путь обобщения и становится возможным лишь в традиции письменной.

Конечно, редактор рассматриваемого текста не мог принять во внимание и использовать все, обычно многочисленные, повествования этого типа. Возможно,

⁹ Ср. Н.Марр. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Георгием (араб. версия). СПб., 1905 (отдельный оттиск из Записок вост. отд. имп. русск. археол. общества, т.16, с. 64-80).

например, что в свое время существовало несколько вариантов географического распределения трех крестов, явившихся в видении Миграна или его сподвижников, но редактор был вынужден отметить и удостоверить лишь одно из них, а потому он выбрал тот вариант, который соответствовал церковно-иерархическому строю и верно отображал взаимоотношение центрального, епархиального и местного престолов.

Начиная с этого времени «Житие св. Нино» движется к общенациональному признанию, став предметом поклонения в монастырских кругах грузин и среди грузинских армян. Это дает последним возможность уточнить в свете «Жития» традиционные сюжеты и отредактировать их в соответствии с определенными сторонами деятельности Нунэ и, наконец, на их основе сложить новые предания.

Общенациональное распространение «Жития св. Нино» начинается с IX в., когда эта легендарная история вступает в новую, уже письменную стадию своего бытования и в этом новом качестве продолжает существовать параллельно с устным текстом. Таким образом, лишь в IX в. в своем письменном виде «Житие св. Нино» могло вобрать в себя другие грузинские епархиальные предания и выделить из них единую историю обращения Грузии, навсегда сбросив прежний узко региональный мцхетский характер. Обратимся, однако, к тенденции обобщения, которая, как уже отмечалось, получила определенную ценность в сюжетосложении в то время, когда в житии св. Нино важное место заняла ее функция как создательницы креста. Можно с уверенностью говорить, что в VIII в. в Мцхети уже показывали кресты, которые согласно местным преданиям были возведены Нунэ. Однако среди них продолжал притягивать к себе толпы паломников древний безымянный крест, об авторитетности которого хотя и сохранилось много письменных свидетельств уже с VI–VII вв., но, к сожалению, даже без самого незначительного намека на историю его создания и чудодействия. И если доньше первое неосознанное выражение этой тенденции к обобщению мы видели в соединении Нунэ-апостола и Нунэ-свидетельницы, то первым подлинным проявлением его нужно считать слияние истории знаменитого Мцхетского креста с легендой о Нино, окончательно завершившееся в VIII в.

Ещё в VII в. грузинский католикос Кюрион в послании к Врканскому марзпану Смбату попрекал его тем, что последний не пришёл поклониться почтенному и животворному Мцхетскому кресту, «который, вняв мольбам твоих родителей, подарил им тебя, перед которым ты рос и благодаря которому достиг благодати».¹⁰

Одновременно католикос армян Мовсес писал Кюриону о том, что армяне совершают паломничество к Мцхетскому кресту, а грузины приходят на поклонение в Вагаршапат в Св. кафедральный собор. В раздражении он добавляет, что нужно запретить этот обоюдострастный поток.

Эти две ссылки на «Книгу посланий» свидетельствуют о большой репутации Мцхетского креста. По всей вероятности, приостановить поток паломников, который в VIII в. благодаря имени и авторитету св. Нунэ достиг огромных размеров, было почти невозможно. В начале же IX в. перенесение в Армению

¹⁰ Книга посланий. Тифлис, 1901 (на древнеарм. яз.).

Святого знамения Нунэ приписывается св. Шушаник,¹¹ и Агарон Ванандеци на основе как этой, так и других историй создает собственную историю, стремясь тем самым доказать, что нет нужды доходить до Мцхети, поскольку святой крест Нунэ находится в Ванандском монастыре. «... Во время императора Зенона армяне этот крест переносят в Вананд и называют Ванандским Святым Крестом, чтоб забылось старое [название]».

Что же касается встречной, опять же запретной потребности верующих грузин совершать паломничество к Вагаршапатской св. Католике (Шогакат), можно лишь предполагать, что на удовлетворение этой потребности был призван Свети Цховели – «живой столп», который, подобно аванскому халкедонскому собору Эчкенсалуис (букв. «спустился жизненный свет», получившему свое название по аналогу Эчмиадзина «спустился Единородный»), символизирует огненный, светозарный столп жизни в том же смысле, что и Шолакат («нисходящий луч»).¹²

Таким образом, для удовлетворения нужд своих паломников Крест Нунэ «возникает» в Армении, а Св. Эчмиадзин «возникает» в Грузии.

Тенденция связывать наименования местности с легендарной историей выявляется также среди армян Джавахка. Горы в Джавахке под древним названием Кангар были переименованы в Мтин (арм. 'темные'). Очевидно, что грузинское слово *мта* ('гора') было переосмыслено по-армянски под влиянием легендарного эпизода из истории Нино о том, как во время охоты царя в горах внезапно все покрылось мраком, и только с помощью того бога, которому поклонялась Нино, мрак был рассеян, а царь был спасен от неминуемой гибели.

Соединение известной Мцхетской святыни и жития Нино в VIII в. значило, что местная традиционная легенда о Нино уже с конца VII в. взяла на себя роль объединителя грузин вокруг общенациональной версии христианизации. Важно отметить, что после того как Нино обращает в христианство царя, его семью и всех грузин, как бы приходит в действие обратная связь и весь пройденный ею путь в течение веков задним числом сакрализуется. Разные поселения и местности связываются со следами деятельности св. Нино (Урбниси, Уджарма и др.) – то через ее проповеднические миссии, то через ее видение, в котором три частицы креста распределяются по горам в виде мерцающих звездочек. И этот процесс, охватывая почти всю страну, длится до наших дней – свидетельством этому является переименование Богдановского района – части Джавахка в Ниноцминду.

Таким образом, письменные и устные варианты жития св. Нино, к счастью, сохранили почти классический пример превращения мифологии ландшафта через монастырский фольклор в официальную церковную, да и академическую историографию Грузии. И если в мифе о рыбе-Нино ландшафт служит для правдивости и придания историчности тексту «Жития», то в историографии о Нино-апостоле историзируется сам ландшафт, и разные его локусы получают историческое содержание.

¹¹ А.Саакян. Жизнь, культ, святилище св. Шушаник // Армянские святые и святилища. Ереван, 2001, с. 89-94 (на арм. яз.).

¹² А.Саакян. Этапы формирования истории обращения грузин по армянским данным // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Эчмиадзин, 2003, с. 348-350.